

ЖИЗНЬ БРАТСКИХ СТРАН

ХРАНИТЕЛЬ ОГНЯ

Иногда сенсация, как удар гонга.

Живет и умирает вместе с недолгим стоном меди. Иногда же она становится отражением крупного явления, как в случае с Ласло Дюрко. Известный литератор, публицист, автор книги «Ленин, Октябрь», множества социографических исследований, решил вдруг основать в Будапеште новый театр и прочно связать свою жизнь с подмостками. И крошечный театр этот завоевал в короткий срок добрую славу, стал очагом смелой режиссерской мысли. Но статья эта не о «25-м театре», как именуется официально детище Дюрко, хотя и о нем, конечно, придется сказать еще несколько слов. Она о самом Дюрко, о том, что заставило его обратиться к сцене.

На этот вопрос, заданный прямо, Дюрко не ответил. Не потому, что не захотел. Не смог. Попробую взять на себя такую смелость.

Дюрко плохо учился в школе. Все, что слышал там, казалось само собою разумеющимся, обычным, не содержало как будто никаких открытий. А без открытий он, видимо, тогда уже не мог жить. После школы не захотел поступать в вуз. Он спешил жить, взбаламучивать спокойные пласты этой жизни, испытывать ее прочность, непрерывно ощущать ее смысл. Худой и внешне непроницаемый сумрачный паренек взял в руки лопату разнорабочего, потом стал рабочим-путейцем. Потом — счетоводом-нормировщиком, потом... Кажется, нет ни одной социальной прослойки, к которой не принадлежал бы Дюрко в разное время. Он шел по лабиринту жизни, вроде бы подчиняясь каждому новому повороту, и этот горьковский университет наталкивал его на открытия.

Первое и самое важное открытие свелось к тому, что человек не может оставаться вне истории. Этот свой «велосипед» Дюрко изобрел в первом же рассказе о католическом священнике, который оказался вынужденным примкнуть к движению сопротивления в 1944 году. «Велосипед» был примитивным, зато собственного изготовления. Дюрко сразу же разглядел художественную слабость своей вещи, но понял, что главной темой его будут отныне человек и история, их отношение друг к другу. Он проглотил уйму книг. Прочитал подряд все тома Ленина, проштудировал огромное количество литературы по истории Венгрии, России и других стран. Отложил на время попытки писать художественную прозу, занялся историческими эссе. Одна за другой начали появляться его статьи — исследовательские, полемические и почти всегда связанные с любимой темой.

В его характере — находить собственный путь к пониманию явлений. Возможно, путь этот более долг, да и не каждому нужно пройти его, чтобы обрести истину. Но для Ласло Дюрко нужно было еще раз самостоятельно открыть кое-что из уже открытого, потому что хотел он связать в один узел законы исторического развития с человеческой судьбой, найти, осязать грань взаимодействия абстрактной истины с конкретным и живым человеческим сердцем. С этим и пришел он к Ленину. Он верно нащупал искомую грань, ощутил сплав ленинской мысли с объективной реальностью, и сама по себе личность вождя предстала перед ним как символ высшей исторической справедливости и как неиссякаемый источник человечности. Написал об

этом статью, потом — книгу (отрывки публиковались у нас в «Иностранной литературе»).

Потом Дюрко вдруг предложил Национальному театру пьесу «Любовь моя, Электра!» Этот спектакль, кстати, с интересом приняли москвичи и ленинградцы во время гастролей театра два года назад. Напомним сюжет пьесы, свободно толкующей и развивающей античный миф. Отца Электры и Ореста предательски убивает их дядя. Дядя женится на их матери. Он изгоняет из дома Ореста, угнетает народ, сеет смерть, льет кровь невинных и вообще являет собой средоточие всего низменного и антигуманного. Электра клянется отомстить. Она ждет возвращения брата. Вместе они убивают тирана. Но дальше их пути расходятся. Электра требует крови всех, кто помогал ее отчиму чинить беззакония. Орест возражает. У мести должен быть предел, рассуждает он. Иначе жизнь станет невыносимой, и мы опять создадим тиранию. А это значит идти против истории и против людей, ради которых и шла борьба.

Конфликт между Электрой и Орестом — в центре пьесы, изобилующей психологическими поединками. Правда Ореста ощущается не сразу, к ее пониманию подводит зрителя весь ход спектакля. Мысль о том, что революционер не должен идти на поводу у личных обид и страстей, что подлинный революционер тот, кто слушает и понимает историю, кто умеет соразмерить с ней разум и сердце, — актуальна всегда.

К 100-летию со дня рождения Ленина Национальный театр поставил «документальную ораторию» Ласло Дюрко «Главы о Ленине». В первой — письма из ссылки. Во второй — дискуссии вокруг Брестского мира, выдержки из речей Ленина, из протоколов заседаний. В третьей — Кронштадтский мятеж, ленинская оценка событий. Тема последней главы — Ленин и Горький.

Спектакль ярко отразил своеобразие таланта Дюрко. Спектакль имел большой успех, его с волнением смотрели делегаты X съезда ВСРП.

Потом Дюрко написал еще несколько пьес и понял, что театр для него — лучшее средство донести до людей свои мысли и чувства, попытаться найти решение многих важных вопросов. Понял он также, что ему нужен театр особый, не связанный со старыми традициями, театр, не только изображающий действие, но и действующий, не отражающий жизнь, а живущий.

— До сих пор венгерский театр был лишь средством отражения истины, открытой независимо от него, — заявил Дюрко на пресс-конференции. — Мы же хотим попытаться делать открытия на глазах публики.

Потом, после пресс-конференции, он сказал мне: «Я, кажется, погорячился. Не надо было так резко. Но, видишь ли, в том и суть, чтобы, не отрицая прошлого, суметь отрешиться от него... А почему мы, собственно, так боимся отрицания?»

«25-й театр» заявил о себе сразу, первыми же постановками. Вместе с режиссерами Евой Мезеи, Кароем Сигети, артистами Кати Берек, Петером Хауманом, Габи Иобба и другими Дюрко создал замечательный творческий коллектив, привлек к работе множество молодых энтузиастов из студий. Излюбленная дюрковская тема: человек и история — стала раскрываться с разных сторон, самыми различными средствами. Ей так или иначе служит весь диапазон постановок «25-го театра». От китайского средневековья и античной мифологии до Дон Кихота и молодежи сороковых годов — таков этот диапазон.

Один из самых серьезных спектаклей театра, на мой взгляд, — «Светлые ветры» по сценарию Дьюлы Хернади, переработанному известным кинорежиссером Миклошем Янчо, которого Дюрко пригласил в качестве режиссера-постановщика этого спектакля о венгерской молодежи первых лет после освобождения. О борьбе жестокой и бескомпромиссной.

Помост идет от сцены через весь зал. На этой широкой Т-образной площадке и в самом зале развивается действие.

Каждый из участников массовых сцен глубоко индивидуален. Позиции очерчены пением, танцами, ритмичными перестроениями. Постоянно — соединение и столкновение чисто условного с реальным. Неожиданно — звучащая по-русски песня «Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону...». Звучащая, как присяга молодых венгерских коммунистов, как признание кровного родства с советскими комсомольцами поколения гражданской войны. И потом, когда каждый рассказывает как бы из прошлого свою будущую биографию, зритель почти физически ощущает связь времен, закономерность развития общества и может судить о соответствии или несоответствии поступков входящих в него индивидуумов требованиям исторического процесса.

— Наш театр политический, — говорит Ласло Дюрко.

Он рассказывает мне о новой постановке «Кошмарные приключения и прекрасная кончина Рыцаря Печального Образа Дон Кихота».

— Для меня лично очень важен вопрос о революционных буднях. Продолжается ли революция, когда нет баррикад и не нужно драться за власть? Конечно, продолжается. С тех пор как существует цивилизация, образцом для человечества был Прометей. Он решил важную проблему — дал людям огонь. А что же дальше? Что делать с этим огнем, как им распорядиться? Эта тема вечной борьбы за идею, за огонь, добытый ценой великой жертвы, за то, чтобы не погас он, чтобы жег, что надо, что надо — грел, что надо — закалял. В этом смысле «Дон-Кихот» может стать для театра важной вехой.

Я слушаю рассуждения основателя «25-го театра», коммуниста Ласло Дюрко, и думаю о том, что и сам он один из хранителей прометеева огня.

Только что он вернулся из Москвы. «Это то, что я давно мечтал увидеть. Многие просто поразительно», — сказал он в ответ на мой вопрос о том, как ему понравились московские театры.

А. ТЕР-ГРИГОРЯН,
соб. корр. «Известий».

БУДАПЕШТ, июль.